

29 января

Неделя 32-я
по Пятидесятнице

Потом Иисус вошел в Иерихон и проходил через него. И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперед, взлез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел и принял Его с радостью. И все, видя то, начали роптать, и говорили, что Он зашел к грешному человеку; Закхей же, став, сказал Господу: Господи! половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.

Лк. 19: 1–10

Сегодняшнее Евангелие — о Закхее, о богатом человеке и начальнике мытарей. Говоря современным языком, о богатом таможеннике, человеке, который собирал подати. Профессия эта предполагала такое количество власти, сосредоточенной в одних руках,

такую возможность злоупотреблений, что все презирали этих людей. Все понимали, откуда у них деньги, понимали, что это богатство приходит через гнет, и мучение, и унижение простых людей. А Закхей ко всему еще и был мал ростом — все соединилось, чтобы обрисовать его как фигуру карикатурную.

Не случайно фарисеи, обличая учеников Христовых, будут впоследствии пенять Христу, что Он входит в дома мытарей и грешников и ест с ними. Мытари в этом случае понимаются как одна из категорий грешников. Сказать «мытарь» — то же самое, что сказать «грешник». Сказать «грешник» — несомненно, включить в число этих грешников мытарей, наряду с прелюбодеями.

Вот такой человек — грешник, мытарь — идет посмотреть на Иисуса. Ничего не сказано о его религиозных устремлениях. Но он хотел увидеть Иисуса и основательно подготовился к этой встрече, залез заранее на дерево, потому что был малорослым, и принялся ждать. И происходит то, что никак не входило в его расчеты. Христос останавливается и говорит: «Слезай, сегодня мне подобает быть в твоём доме». И Закхей принимает Его.

Гость совершенно необычный. Вокруг Него все время толпы людей, вихрь чудотворений и странных слов. «И Этот Человек у меня дома!» — в душе Закхея происходит то, чего мы никогда не поймем до конца. В ответ на посещение Христа, в ответ на осуждающий ропот толпы, достигший, возможно, его слуха, Закхей встает и говорит: *Господи! половину имени моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо.*

Ничего не случилось, не обещал Христос спасения и рая, не дал отпущения грехов, никого не исцелил. Просто вошел под кров Закхеев. И вот, подлинная метанойя без всяких предисловий — перемена сознания, покаяние стало содержанием жизни этого человека. Господь отвечает ему: *ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее.*

Когда Бог говорит со Своим человечеством, когда Христос общается с земнородными, Он входит в их дом, и чудо чудес, таинство таинств в этот момент совершается. Все то, что было уготовано к гибели, полегло как трава, ослабло, изнемогло, готовилось к упразднению, утратило волю и смысл, все то, что можно объединить словом «погибшее», — все это находится, спасается, все это нужно Святой Троице, нужно Христу, нужно Отцу Небесному.

А откликом человека — не нуждающимся в комментарии — становится способность избыть погибшее в себе. И тогда выясняется, что не человек погиб, но враг пытался его погубить. И отпадает враг, и гибнет сын погибельный, и восстает Закхей, и мы с ним в жизни вечной.

5 февраля

Неделя о мытаре и фарисее

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне, грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Лк. 18: 10–14

В церковном календаре это воскресенье называется Неделей о мытаре и фарисее. Мы с вами вступаем в полосу недель, уготовляющих каждого из нас к началу Великого поста. И первым из этих евангельских чтений, после того как вчера за всюнощным бдением пелось: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...» — первым из чтений покаянного содержания, готовящих нас к Великому посту, становится зачало о мытаре и фарисее из Евангелия от Луки.

В этом чтении удивительно вот что. Мы-то, естественно, встаем на сторону мытаря — обладая двухтысячелетним опытом, наученные Церковью. Мы

знаем, что мытарь смиренен, мы знаем, что он более оправдан в глазах Божиих и что в конечном итоге он хорош несмотря на то, что занимается презренным делом. Но мы это все знаем не из своего опыта, а из опыта Церкви. Церковь научила нас: посмотрите, вот мытарь скромный, хотя работа у него плохая, а фарисей, хотя и праведный по своей видимой жизни, плохой. Но Писание ни того ни другого не осуждает, а сравнивает двух этих людей.

В жизни наша личная позиция, бесспорно, ближе к позиции фарисея, потому что мы рассуждаем примерно так, как он, если не публично, то наедине с собой или наедине с Богом. Ну а в самом деле? Мы стараемся не совершать совсем уж криминальных грехов, за которые нас немедленно следовало бы отослать в геенну огненную. Если какие-то проделки и были, то более или менее в юности. Мы действительно стараемся бывать в храме. Мы действительно иногда жертвуем. И мы оскорбились бы, сравни нас с убийцами, бандитами, грабителями. Нам бы показалось это сравнение неуместным и обидным. И ничего неверного фарисей не сказал. И мы, кстати, тоже не говорим ничего неверного. Фарисей отдавал десятину с того, что имел, и он действительно не такой, как эти хищники, разбойники и как этот мытарь.

Мытарь — грязный коррупционер, человек, который собирает деньги для того, чтобы отдать их оккупантам своей родины, человек плохой со всех точек зрения. Но он и со своей точки зрения плох, этот человек. И он говорит: «Боже, милостив буди мне, грешному».

Фарисейство нашей позиции чаще всего состоит в том, что, если не на словах, то внутри, мы убеждены, что билет в Царство Небесное у нас в кармане, потому что мы то-то, то-то и то-то делаем. А действительность такова, что делать то-то, то-то и то-то — необходимо, но это лишь предпосылки к твоей жизни в Боге. Как если ты собираешься ехать на поезде, тебе нужно собрать чемодан, должным образом одеться, купить билет, но из этого совершенно не следует, что ты поедешь на этом поезде. Если ты на него опоздаешь, то чемодан не поможет. В нашей земной действительности можно поменять билеты и сесть на другой поезд, а в Царстве Небесное другого поезда не будет. Он уйдет — с тобой или без тебя.

Фарисейство нашей позиции заключается еще и в том, что мы без иронии относимся к собственным усилиям. Мы очень серьезно говорим о себе, и наш язык при этом ломается. Мы говорим: «Забываю читать молитву перед вкушением пищи». Каким таким вкушением? «Забываю помолиться, прежде чем поесть» — так следовало бы сказать.

Все это выглядит очень комично, потому что мы, ни в чем не будучи похожи на аскетов V века, говорим так, как говорили бы они в своих пещерах и пустынях. «Не совершил в полноте молитвенное правило». Давайте на себя в зеркало посмотрим: какая «полнота»? Какое «молитвенное правило»? «Пару молитв поленился прочитать» — вот это ближе к правде. Надо немножко ироничней к себе относиться. Услышал от одного человека: есть, говорит, помехи в совершении молитвенного подвига.

Ну ясное дело! Первая помеха — это восприятие собственной молитвы как подвига. Осталось вымолить весь земной шар и перейти на галактику. Но если ты сосредоточиваешь свое внимание на том, что обещал тебе Христос и что ты можешь сделать для того, чтобы получить даруемое Богом, тогда жизнь становится яснее.

Мытарь ведь тоже никакой не идеал. Писание не случайно умалчивает о том, что с ним случилось после его такого благочестивого восклицания. Вот с Закхеем, о котором мы читали неделю назад, все совершенно ясно. Он на происшедшее в его доме отреагировал совершенно по-деловому. Он встал и сказал: «Господи, вот я отдам пол-имения своего нищим, а если я кого чем обидел, верну вчетверо».

О мытаре нам ничего не сказано. Он всплакнул, но мы не знаем, ушел ли он потом со своей работы, захотел ли вернуть украденное, сумел ли переменить свою жизнь. И все же в этих двух религиозных типах — фарисея и мытаря (а каждый из нас в себе сочетает и тот и другой) — симпатии евангелиста более на стороне плачущего, нежели на стороне гордящегося. И слова, сказанные в конце этого отрывка, — страшные и обличающие: *всяк возносясь смирится, смиряя же себе вознесется*.

Это абсолютно не значит, что «не надо высовываться». Надо. И это не значит, что нужно покрыть себя ложным смирением. Мы в XXI веке мастера ложного смирения. «Прости меня, брат», — говорим мы, мечтая, чтобы этот брат ушел с глаз долой. «Прости меня, сестра», — говорим мы какой-нибудь

двоюродной родственнице, с которой не хотим видеться уже пятнадцатый год.

Господь, я думаю, в этом отрывке показывает, что Он терпит тех и других: многословного пустодейтельного фарисея и скорбящего мытаря — пока молчаливого, пока в бездействии. Всех терпит. От всех ждет перемены и дела.

Пусть и наш с вами Великий пост будет временем перемены и временем дела.

12 февраля

Неделя о блудном сыне

Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал

и нашелся. И начали веселиться. Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое? Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым. Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

Лк. 15: 11–32

Нам хорошо известна эта притча, где говорится о том, как у отца было двое детей и старший вместе с ним трудился, соблюдал заповеди и был в любви отца, а младший искал в жизни событий. И в этом поиске, попросив у отца свою часть наследства, ушел в далекую страну, где состояние скоро промотал и стал пасти чужих свиней, чтобы не умереть от голода. Пасти свиней — самая унижительная работа на Ближнем Востоке. Но и эта работа не позволяла ему есть досыта, и он искал даже пищи свиней. И тогда сын решил вернуться к отцу, но не просто потому, что ему нечего есть, что жизнь его стала тягостной, а потому, что понял — он совершил грех, и сердце его

заплакало: *отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.*

Отец принимает сына, дает лучшую одежду, одаряет, и эта часть повествования нам по-человечески очень понятна: любящее сердце радуется, когда к нему возвращается любимый. И посмотрите — это важно, а мы редко на это обращаем внимание: отец издали увидел, что к нему возвращается гуляющий сын. Издали — это когда, может быть, сын еще и не решил возвращаться. Когда глазами этого не было видно. Отец ждал увидеть своего ребенка, ждал его возвращения — поэтому и увидел, когда тот был еще далеко.

Способность Бога принимать человеческое покаяние такова, что мы еще заплакать не успели, голову склонить не успели, чтобы сказать, что согрешили, а Он уже радуется о том, что мы видим безобразность греха и хотим исправиться. *Сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся.*

Делая хотя бы малое покаянное движение, мы оживаем и находим самих себя. Мы идем по той дороге, в конце которой нас ждет любящий Отец. Мы не просто оставлены сами на себя в водовороте событий. Мы найдены всякий раз, когда подаем даже слабый сигнал: «Мы здесь, помоги!» И помощь приходит и ощущается действием благодати, которая стирает греховные морщины с лица души и меняет его, заставляет улыбаться и радоваться.